

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В редакцию журнала поступило письмо Георгия Гурвича, профессора социологии Сорбонны и Практической Школы Высших Знаний, по поводу опубликованной в Советской этнографии» (№ 1, 1956 г.) статьи Б. Шаревской и Л. Покровской «Влияние современной реакционной американской социологии на этнографию Франции».

«Будучи членом французского национального комитета сторонников мира (Mouvement pour la paix), всеобщей конфедерации труда (С. Г. Т.) общества Франция — СССР и подписав за последние десять лет многочисленные резолюции, осуждающие империалистические тенденции в международной политике Соединенных Штатов Америки, преследования в этой стране прогрессивных и просто независимых профессоров, Атлантический блок, а также требующие окончательного прекращения холодной войны и сближения Франции с СССР и с народными демократиями, — я не думаю, — пишет проф. Гурвич, — что я должен подчеркивать, в какой степени первые ласточки культурного обмена между Францией и Советским Союзом мне приходятся по душе.

Вы можете, таким образом, быть уверены, — продолжает проф. Гурвич, — что письмо, которое я вам пишу по поводу статьи, напечатанной в № 1 1956 года редактируемого вами журнала «Советская этнография» (стр. 140—145), не имеет полемического характера. Ваши сотрудницы — авторы статьи: Б. Шаревская и Л. Покровская, — вероятно, из-за недостаточной осведомленности, допускают в своем положении и в своих оценках ряд неточностей, которые в интересах правильной информации (последняя самоочевидно является первой задачей культурного обмена) мне казалось бы крайне желательным исправить»¹.

Мы приветствуем добрые намерения проф. Гурвича. Обмен мнениями, откровенной разговор ученых разных стран по волнующим их вопросам действительно может помочь сближению народов, ослаблению международной напряженности и укреплению мира. Поэтому мы считаем полезным так же откровенно разъяснить нашу точку зрения по поводу статьи Б. Шаревской и Л. Покровской.

Известно, что этнография, как наука гуманитарная, всегда была более или менее тесно связана с социологией: социологи пользовались этнографическими данными, а этнографы опирались на социологические концепции. Такая связь естественна и плодотворна. Однако в XX в., в период кризиса буржуазной социологии, особенно за последние десятилетия, появилась довольно сильная тенденция к стиранию грани между социологией и этнографией. Наиболее рельефно эта тенденция обнаружилась в Соединенных Штатах, где многие социологи, отказавшись от раскрытия общественных закономерностей, разменялись на мелочи, стали увлекаться так называемой «микросоциологией»², а этнографы стали подменять изучение конкретной жизни народов во всем ее многообразии пустым социологизированием, сочинительством надуманных «моделей» и «типов» культуры³. Философской основой такого сближения этнографии и социологии, точнее говоря перерождения их как научных дисциплин, явился идеализм в его «новейших» американских разновидностях, а результатом — нечто весьма далекое от науки, но пригодное для реакционных политических целей американского империализма. Мы имеем в виду не всю американскую этнографию, а реакционное направление в ней.

Авторы статьи — Б. Шаревская и Л. Покровская — поставили своей задачей проанализировать степень влияния этой американской социолого-этнографической эклектической похлебки на французскую этнографию. Сама эта задача появилась не слу-

¹ Письмо проф. Гурвича написано на русском языке и цитируется, следовательно, по оригиналу.

² Показательны, например, названия секций съезда Американского социологического общества в 1956 г.: городская социология, сельская социология, социология брака и семьи, военная социология, социальная дезорганизация, социология религии. Характерно также следующее высказывание американского социолога Мертока («Social Theory and Social Structure», New York, 1949, стр. 97): «стереотип социального теоретика, витающего в эмпиреях чистых идей и не загрязненного мирскими фактами, становится все менее модным, нежели стереотип социального исследователя, вооруженного вопросником и карандашом и страстно увлекающегося погоней за изолированной и не очень значительной статистикой».

³ См. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XII, М., 1951.

чайно. Некоторые французские этнографы, как, например, Леви-Штраус, взяли на себя неблагодарный труд доказать, что реакционные американские социологи и этнографы не оригинальны, что истоки их псевдонаучных концепций надо искать во французской социологии и во французской этнографии. В очерке французской социологии, опубликованном в «Социологии XX века», вышедшей под редакцией проф. Гурвича, и в ряде статей, имеющих программный характер, Леви-Штраус пытается доказать, что уже в трудах «Дюркгейма и Мосса нельзя отделить социологию от этнологии», что все основные положения «Моделей культуры» можно найти в трудах Мосса.

Авторы статьи решили проверить правильность утверждений Леви-Штрауса, восстановить истину и пришли к выводу, что он возводит поклеп на Мосса, этого крупнейшего французского этнографа. Большая часть статьи и посвящена этому вопросу. «Мы далеки от того,— пишут Б. Шаревская и Л. Покровская,— чтобы не видеть идеалистического характера методологии Мосса, но нельзя отождествлять антинаучные теории современных реакционных социологов с трудами буржуазных этнографов, содержащими большой положительный материал». Нельзя не согласиться и с окончательным выводом авторов статьи, имеющим большое положительное значение: «На трудах крупнейших французских американистов, как и на работах других крупных французских этнографов, вовсе или почти не сказались влияние реакционной социологии США. Это влияние, повторяем, ограничивается небольшой группой этнографов и социологов, которые всячески стараются пропагандировать во Франции идеи реакционной американской социологии». К этой небольшой группе авторы статьи неправомерно отнесли и проф. Гурвича.

В своем письме в редакцию журнала проф. Гурвич не возражает против основных общих положений, сформулированных в статье Б. Шаревской и Л. Покровской. В соответствии с известной русской поговоркой будем считать, что молчание — знак согласия. Он возражает лишь, и при том решительно, против оценки его собственной позиции. «Мне кажется, во всяком случае, полным недоразумением,— пишет проф. Гурвич,— утверждение ваших сотрудников, что мои взгляды имеют «идеалистический, махистский характер», близкий к построениям «реакционных американских социологов».

Проф. Гурвич считает себя «завязтым врагом» реакционной американской социологии. В своем письме в редакцию он пишет: «Реакционный характер и умственный сумбур американской теоретической социологии я стал изобличать со дня моего возвращения в 1945 году во Францию⁴, и моя критика за последние годы становится все резче... Что касается американской социологической «теории», я ее считаю не существующей, за редкими исключениями, да и то скорее в прошлом; остальное — недомыслие философски полуграмотных писак, политическая пропаганда или сознательный конформизм... Я борюсь с американским распылением групп, классов и общества, с их беспомощным номинализмом, индивидуализмом, конформизмом и сенсуалистическим эмпиризмом, постоянно напоминая несводимость групп и классов к их разведенным частям и выражениям и вводя, вслед за моим учителем Марселем Моссом, понятие целого, целокупного социального феномена — *réphenème social total*,— который я истолковывал диалектически и динамически». Он пишет, что его взгляды не имеют ничего общего с «абстрактным и искусственным «культурализмом» бездарной и второстепенной Рут Бенедикт». Известно также, что на Третьем международном конгрессе, состоявшемся летом 1956 г. в Амстердаме, проф. Гурвич полемизировал с американской концепцией социальной стратификации⁵.

Нельзя не приветствовать высказывание проф. Гурвича, отрицательно оценивающего реакционную американскую социологию. Но как же быть с «Социологией XX в.», вышедшей под редакцией проф. Гурвича? В нашей стране утвердился обычай, что редактор отвечает за концепции авторов редактируемой им работы, если он не оговаривает свои расхождения с ними. А в этом сборнике была опубликована, в частности, статья Леви-Штрауса, о которой говорилось уже выше. В этой статье, между прочим, имеется следующее положение: «Социальный феномен (социальное явление) лишен смысла, так как всякий способ решения того или иного вопроса является не чем иным, как частной точкой зрения на данное явление, само по себе сложное и расчленяющееся». Каждому, знакомому с современной буржуазной социологией, ясно, что это положение ничем, в сущности, не отличается от идей американской прагматической социологии.

В своем письме в редакцию проф. Гурвич пишет, что приведенное выше положение — «бессмысленная фраза» и ему непонятна. Но она взята из книги, вышедшей под его редакцией! Объявив «бессмысленной фразой» это положение, он продолжает: «То, что я писал и что я повторяю — это следующее: всякое социальное явление имеет целокупный характер и как всякое целое может быть понято только диалектически, принимая во внимание инфра- и супраструктуры или ступени социального бытия (*raïers en profondeur*) и постоянное напряжение и взаимное проникновение между ними, а также между социальными связями (массой, общиностью — артельностью и соборностью — единодушностью), видами групп и классов и типом объемлющей общественной структуры, в которую они включены».

⁴ Он покинул Францию и переехал в США после его увольнения из университета фашистским правительством Петэна.

⁵ Статья Б. Шаревской и Л. Покровской была опубликована до этого Конгресса.

Мы не будем, подобно проф. Гурвичу, объявлять это положение «бессмысленной фразой». В ней есть определенный смысл, с которым мы не можем согласиться. Буржуазные социологи, и в первую очередь американские, давно упрекают марксистов в «однолинейной» интерпретации общественных явлений, имея при этом в виду основное положение исторического материализма: общественное бытие определяет общественное сознание, или иначе, что в исторической перспективе в целом экономическая жизнь общества определяет все его другие стороны и служит причиной его развития. Буржуазные социологи противопоставляют этому так называемую многолинейную интерпретацию, т. е. старую эклектическую теорию факторов. Смысл этого противопоставления состоит в том, чтобы ниспровергнуть теорию причинности, закономерности в развитии общества. Однако проф. Гурвич является сторонником «многолинейной интерпретации».

«Что касается понятия социальной структуры,— пишет проф. Гурвич,— то я решительно расхожусь с французским этнографом Леви-Штраусом, сводящим ее к комбинации моделей, и недавно подверг его взгляды, как и взгляды других современных теоретиков понятия структуры, суровой критике. Я связываю структуру со способами построения реального социального целого, с видами борьбы группы и классов, с укладами производства и распределения экономических благ, с техническим и социальным разделением труда; для разрешения этой проблемы я обращаюсь к историческому анализу, а не к математической статистике и формальной логике. Никакой «группы Леви-Штраус — Гурвич» (стр. 144) не существует. Наши теоретические взгляды во многом противоположны; к тому же наши области весьма различны. Леви-Штраус — этнограф, ... а пишущий эти строки посвятил свои работы социологической теории, социологии права, социологии классов и заканчивает сейчас свою книгу по социологии знания. Леви-Штраус стремится применить математику к этнографии, я же пытаюсь диалектизировать и одновременно историзировать социологию до последнего предела».

Мы принимаем к сведению, что взгляды проф. Гурвича «во многом противоположны» взглядам Леви-Штрауса. Нам известна его работа «Le Concept de Structure Social», в которой он критикует взгляды Леви-Штрауса. Но, во-первых, эта работа появилась после того, как статья Б. Шаревской и Л. Покровской была сдана в печать, и они не могли быть с ней знакомы. И, во-вторых,— разве они не имели основания полагать, что проф. Гурвич солидарен с концепцией Леви-Штрауса, если он как редактор «Социологии XX в.» без всяких оговорок опубликовал в этом сборнике работу Леви-Штрауса?

Проф. Гурвич полемизирует с американской концепцией социальной стратификации, но это спор не по существу. Американские социологи делят общество на классы по размерам дохода, а проф. Гурвич — по роду занятий. Как видно из его выступлений на последнем конгрессе социологов, он является сторонником организаторско-технократической теории классов, согласно которой никакой коллективизм и даже обобществление средств производства не может устранить классового деления общества. Проф. Гурвич утверждал на конгрессе социологов, что классы будут существовать всегда.

Очевидно, отношение проф. Гурвича к американской социологии со времени выхода в свет «Социологии XX века» изменилось. Б. Шаревская и Л. Покровская не заметили этого изменения, и в этом недостаток их критики. Мы не можем не приветствовать это изменение взглядов проф. Гурвича.

Проф. Гурвич считает себя диалектическим реалистом и «самым страстным противником всех форм идеализма». Но давно известно, что о человеке нельзя судить по тому, что он сам думает о себе. Одно дело считать себя противником идеализма, а другое — быть им на самом деле. В истории философии было не мало течений, которые объявляли себя материалистическими (эмпириомонизм, например) или стоящими над материализмом и идеализмом (эмпириокритицизм, например). Историческая проверка обнаруживала, однако, что это всего лишь разновидности идеализма. Проф. Гурвич называет свой метод методом «гипер-эмпирической диалектики», который «отличается от ортодоксального марксизма тем, что приводит к диалектическому реализму, а не к диалектическому материализму, и различает более многочисленные ступени социального бытия, подчеркивая их более сложное и изменчивое взаимоотношение».

Мы позволяем себе думать, что проф. Гурвич сражается с вульгарным материализмом с той же метафизической прямолинейностью. Но сражаясь с вульгарным материализмом и противопоставляя ему свою «гипер-эмпирическую диалектику», он невольно попадает в объятия идеалистической «многолинейной интерпретации».

Редакция журнала не имеет никаких оснований ставить под сомнение принципиальность проф. Г. Гурвича в его поисках научной истины, но остается бесспорным, что в важнейших методологических вопросах ему еще не удалось преодолеть ошибочные с нашей точки зрения взгляды.

В заключение надо признать, что Б. Шаревская и Л. Покровская критиковали проф. Гурвича довольно примитивно, не учли, что его социологическая концепция куда более сложна по сравнению с реакционными концепциями американских социологов, что он во многом расходится с ними, что его взгляды, как и взгляды любого ученого, подвержены закону изменения, развития. В письме проф. Гурвича указывается на некоторые фактические погрешности авторов статьи, за что они не могут не быть благодарными ему.